Патентная охрана технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей в Российской Федерации: правовые рамки, проблемы и перспективы

Кравченко Олег Владимирович
аспирант, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, РФ, ok3907@mail.ru,

Кубышкина Елизавета Юрьевна
магистр, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, lisakub2015@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные вопросы патентоспособности решений на основе искусственного интеллекта (ИИ), в частности нейронных сетей, в правовом поле Российской Федерации. Проведён анализ действующих законодательных барьеров, связанных с критериями патентоспособности по ст. 1350 ГК РФ, и перспектив их трансформации в свете законопроекта № 922784-8. На основе сравнительно-правового анализа международных кейсов, в первую очередь по заявкам DABUS, выявлена общемировая консервативная правовая позиция, отрицающая признание ИИ в качестве субъекта изобретательской деятельности. В практической части работы предложен структурированный алгоритм (чек-лист) для подготовки патентной заявки, сфокусированный на преодолении ключевых отказов посредством корректного оформления технического решения. Делается вывод о необходимости перехода от защиты абстрактных алгоритмов к патентованию конкретных технических решений, реализуемых с их помощью. [2; 13] [1]

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, патентное право, патентоспособность, Роспатент, правовые риски, нормативное регулирование, ответственность.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена стремительным развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ), в частности нейронных сетей, способных к автономному обучению и генерации инновационных решений, что фундаментально трансформирует традиционные подходы к охране интеллектуальной собственности. Эти технологии бросают вызов устоявшимся правовым конструкциям, размывая классические критерии патентоспособности и ставя перед законодателем и правоприменителем сложные вопросы о применимости действующих норм к принципиально новым объектам. Данный вызов носит глобальный характер, однако его разрешение требует глубокой проработки в рамках конкретных национальных правовых систем с учетом уровня технологического развития и экономических приоритетов государства.

В Российской Федерации формируется новая, динамичная судебная и патентная практика, связанная с рассмотрением заявок на изобретения, включающие элементы ИИ. Необходимость её всестороннего научного анализа продиктована задачей обеспечения устойчивого баланса между двумя критически важными целями: эффективным стимулированием технологических инноваций, которые определены как ключевой фактор национальной безопасности и экономического суверенитета, и неукоснительным соблюдением принципов и норм действующего законодательства. От того, насколько адекватно и гибко правовая система ответит на запрос цифровой экономики, зависит конкурентоспособность российских разработок на глобальном рынке и темпы технологического прогресса внутри страны.

Значимость и острота данной проблемы находят прямое подтверждение в официальной статистике и заявлениях регулятора. Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) фиксирует устойчивый рост заявок на регистрацию отечественных технологий, интегрирующих искусственный интеллект. По экспертным оценкам, уже в настоящее время 3–4% изобретений, подаваемых российскими заявителями, предполагают использование нейросетевых алгоритмов. Как отмечает руководитель Роспатента Юрий Зубов, в мире каждую минуту патентуются решения, связанные с ИИ. «На протяжении трех-четырех лет в Роспатент поступало не менее 600–650 заявок в год на регистрацию изобретений, связанных с работой искусственного интеллекта. Также последние четыре года наблюдается уверенный рост заявок на регистрацию программного обеспечения и баз данных, функционирующих с использованием нейросетей. В 2024 году было зарегистрировано порядка 1650 таких программ и баз данных, а за неполный текущий год – 1270», – сообщил Ю. Зубов. Эти данные наглядно демонстрируют, что вопрос пересмотра и адаптации правовых механизмов патентной охраны перешёл из плоскости теоретических дискуссий в область насущной практической необходимости. [4]

Патентование решений на основе нейронных сетей в правовом поле России традиционно сопряжено со значительными юридическими сложностями. Эти сложности проистекают из буквального толкования базовых критериев патентоспособности, установленных статьей 1350 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Ключевая проблема заключается в необходимости квали-

фикации таких разработок не как абстрактных алгоритмов, а как технических решений, что требует их выведения из-под действия исключающих положений пункта 5 данной статьи.

В соответствии с действующей редакцией ст. 1350 ГК РФ, изобретению предоставляется правовая охрана, если оно является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо. Пункт 5 статьи содержит закрытый перечень объектов, не признаваемых патентоспособными изобретениями, среди которых особое значение для рассматриваемой сферы имеют: [1]

Программы для электронных вычислительных машин.

Решения, заключающиеся только в представлении информации.

Математические методы.

Именно эти категории, основанные на нейросетевых алгоритмах, могут быть приняты Роспатентом основанием для отказа в выдаче патента. Поэтому центральной задачей заявителя и патентного поверенного является корректное оформление заявки с позиций, разработанных современной экспертной практикой Роспатента.

Рассмотрим предметно какие существуют критерии патентоспособности применительно к технологиям ИИ и их ключевые проблемы:

Техническое решение (ст. 1350 ГК РФ). Изобретение по российскому законодательству должно представлять собой техническое решение в любой области, относящееся к продукту или способу. [1]

Ключевая проблема: Необходимо доказать, что объект решает конкретную техническую, а не организационно-экономическую, вычислительную или абстрактно-математическую задачу. Решение должно иметь материальный выход или воздействие на материальный объект (управление устройством, обработка физических сигналов, контроль технологического процесса). Применение нейросети для классификации изображений в эстетических целях не отвечает данному критерию, в то время как использование её для управления роботизированным манипулятором на основе визуального анализа – отвечает.

Новизна (п. 1 ст. 1350 ГК РФ). Изобретение является новым, если оно не известно из уровня техники. [1]

Ключевая проблема: Уровень техники включает любые сведения, ставшие общедоступными в мире до даты приоритета изобретения (п. 2 ст. 1350 ГК РФ). Для нейросетевых разработок это создаёт высокий риск, так как уровень техники включает не только патенты, но и научные публикации на arXiv.org, open-source репозитории кода (GitHub), описания архитектур в учебниках и блогах. Любое ранее обнародованное описание архитектуры, метода обучения или принципа функционирования нейросети для схожей задачи может лишить новизны последующую заявку. [1]

Изобретательский уровень (п. 1 ст. 1350 ГК РФ). Изобретение имеет изобретательский уровень, если для специалиста оно явным образом не следует из уровня техники. [1]

Ключевая проблема: Экспертиза Роспатента нередко исходит из того, что применение известного типа нейронной сети (например, сверточной CNN или рекуррентной RNN) для решения типовой задачи (распознавание образов, прогнозирование временных рядов) является очевидным для специалиста в данной области. Для преодоления этого барьера требуется продемонстрировать неочевидность конкретной комбинации признаков (уникальная архитектура, специфический метод обучения, адаптация под нетипичные данные), приводящей к новому техническому результату, не достигаемому в прототипах.

Промышленная применимость (п. 1 ст. 1350 ГК РФ). Изобретение является промышленно применимым, если оно может быть использовано в промышленности, сельском хозяйстве, здравоохранении и других отраслях деятельности. [1]

Ключевая проблема: Требуется не просто декларация, а обоснование в описании изобретения, как именно решение будет реализовано в конкретной отрасли. Недостаточно указать «использование в медицине», поскольку необходимо описать, например, интеграцию нейросети в аппарат МРТ для автоматической диагностики конкретного заболевания.

Преодоление исключений (п. 5 ст. 1350 ГК РФ). Это основной формально-правовой барьер. [1]

Ключевая проблема: Существует высокий риск получения отказа по основанию, что заявленное решение сводится к «программе для ЭВМ как таковой» или «математическому методу». Стратегия защиты заключается в детальном описании нейросети как элемента более широкого технического решения (способа или устройства), где её работа неразрывно связана с физическими этапами (получение данных с датчиков, формирование управляющих сигналов) и приводит к изменению материального объекта.

Таким образом, в действующей системе охраны патентование нейронной сети возможно не в качестве самостоятельного объекта, а исключительно как части технического решения – способа или устройства, решающего конкретную практическую задачу с измеримым результатом.

В свете технологических вызовов российское патентное законодательство находится в стадии глубокой модернизации. Ключевым инструментом данной реформы является законопроект № 922784-8 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Его положения направлены на создание гибкой правовой платформы для охраны результатов интеллектуальной деятельности в цифровой среде, включая технологии ИИ. [2; 13]

Влияние предлагаемых изменений на патентование нейросетевых технологий является системным:

В отношении технического характера и исключений: Законопроект прямо закрепляет возможность патентования «решения, реализуемого с помощью программируемого средства (программы для ЭВМ, базы данных, системы машинного обучения, искусственного интеллекта и др.)». При этом ключевая новация содержится в планируемой новой редакции п. 5 ст. 1350 ГК РФ: исключение для программ для ЭВМ будет применяться только в случае, если заявка касается их «как таковых». Это прямое законодательное разрешение патентовать функциональные алгоритмы, нейросети и системы ИИ в качестве составной части изобретения, а не как самостоятельный нематериальный объект. [1]

В отношении изобретательского уровня и полезных моделей: Предлагается расширить перечень объектов, которые могут быть защищены в качестве полезной модели (ст. 1351 ГК РФ). Полезная модель охраняет техническое решение, относящееся к устройству, и не требует соответствия критерию «изобретательский уровень», что существенно снижает порог патентоспособности. Законопроект планирует распространить этот режим на «устройства, функционирование которых связано с использованием программируемого средства». Это может упростить и ускорить получение охраны для аппаратно-программных комплексов с нейросетевыми компонентами.

В отношении промышленной применимости: Прямого изменения критерия не предусмотрено, однако сама концепция расширения охраны на цифровые решения подразумевает признание их применимости в любой сфере человеческой деятельности, от промышленности и транспорта до сферы услуг, спорта и развлечений.

Как отмечалось в пояснительных материалах профильного Комитета ГД по государственному строительству и законодательству, «в такой вид охраняемых объектов может попасть и функциональная нейросеть, системы машинного обучения на определённом наборе данных, именуемые "искусственным интеллектом"».

После вступления положений законопроекта в силу, что, с учётом законодательной процедуры, возможно не ранее 2025-2026 годов, патентная система РФ получит легальные основания для охраны широкого спектра цифровых инноваций. Ожидается, что прямым образом можно будет патентовать:

компьютерные программы, выполняющие технические функции;

элементы графических пользовательских интерфейсов (GUI), обеспечивающие новое техническое взаимодействие;

компьютерные игры как комплексные технические решения;

системы машинного обучения, нейронные сети и иные технологии ИИ, интегрированные в технические процессы;

изобретения, созданные с использованием ИИ (при этом субъектом прав остаётся человек или юридическое лицо).

Представляется очевидным, что текущая правовая база, основанная на ст. 1350 ГК РФ, требует от заявителей сложной работы по «техническому переводу» нейросетевых алгоритмов в плоскость конкретных способов и устройств. Формирующаяся судебно-патентная практика постепенно вырабатывает подходы к такой квалификации. Принятый в первом чтении законопроект № 922784-8 обозначает вектор на радикальное упрощение этой процедуры, создавая основу для прямого и гибкого патентования технологий ИИ в рамках обновлённого понятийного аппарата Гражданского кодекса. Это соответствует общемировому тренду на адаптацию системы интеллектуальной собственности к реалиям цифровой экономики. [2; 13] [1]

В этой связи стоит уделить внимание международной практике и наиболее иллюстративным примером является судебный процесс по заявкам DABUS Стивена Талера. Он создал нейросеть DABUS (Device for the Autonomous Bootstrapping of Unified Sentience). По его утверждению, эта система самостоятельно, без конкретной задачи или подсказки со стороны человека, придумала два полезных объекта: особый контейнер для напитков, лучше сохраняющий форму и аварийный маячок с уникальным режимом мерцания, привлекающим внимание. Талер не считал себя их изобретателем. Он видел себя лишь оператором и владельцем «машины для изобретений». Поэтому он предпринял юридический эксперимент: подал патентные заявки в десятки стран мира, указав в графе «изобретатель» - DABUS (ИИ).

Проект DABUS, созданный Стивеном Талером, стал катализатором глобальной правовой дискуссии о возможности признания искусственного интеллекта субъектом изобретательской деятельности. Последовательные попытки патентования изобретений, сгенерированных данной системой ИИ, в ключевых юрисдикциях привели к формированию консолидированной судебной и административной практики, основанной на буквальном толковании действующего законодательства.

Хронология рассмотрения европейских заявок демонстрирует последовательную позицию ведомства. После подачи заявок в октябре-ноябре 2018 года Receiving Section ЕПВ запросила исправление в связи с отсутствием указания изобретателя. В ответ от 24 июля 2019 года Талер указал изобретателем «DABUS», сопроводив это пометкой «изобретение автономно создано искусственным интеллектом», а себя обозначил в качестве работодателя машины. После уточнения (2 августа 2019) правовым основанием было изменено на переход прав от DABUS как правопредшественника (successor in title). Решением от 27 января 2020 года Receiving Section отказала в выдаче патента по статье 90(5) Европейской патентной конвенции (ЕПК), аргументируя это двумя ключевыми тезисами: во-первых, изобретателем может быть только физическое лицо; во-вторых, машина не обладает правосубъектностью и, следовательно, не может быть ни работодателем, ни передавать права. [5; 6]

Апелляция Талера была рассмотрена Правовой палатой ЕПВ, которая 21 декабря 2021 года вынесла решение, полностью подтвердившее отказ. В обосновании Палата указала, что термин «изобретатель» в рамках ЕПК и в соответствии с устоявшимся правопониманием в государствах-участниках относится исключительно к физическому лицу. Право на европейский патент возникает у изобретателя, и лишь затем может быть передано иному лицу. Поскольку ИИ не является физическим лицом, он не может быть первоначальным носителем этого права. Следовательно, у владельца ИИ отсутствует правовое основание (ни как у работодателя, ни как у правопреемника) для получения патента. Предложение Талера оставить графу об изобретателе пустой или указать «ни одно лицо не идентифицировано» было отклонено как не соответствующее требованиям ЕПК.

Американская процедура началась с подачи заявок в Ведомство по патентам и товарным знакам США (USPTO), которое в апреле 2020 года отказалось отозвать уведомление о некомплектности (Notice of Omitted Items), указав, что заявление должно содержать имя физического лица-изобретателя. USPTO основывало свою позицию на тексте Патентного закона (35 U.S.C. § 100(f), § 115), где используются термины «individual» и «inventor», а также на сложившейся судебной доктрине, определяющей концепцию изобретения (conception) как «акт формирования полной и устойчивой идеи изобретения в сознании изобретателя», что является умственным процессом, присущим только человеку.

Стивен Талер обжаловал это решение в судебном порядке (дело Thaler v. Hirshfeld, а затем Thaler v. Vidal). Окружной суд Восточного округа Вирджинии в сентябре 2021 года вынес решение в пользу USPTO. Апелляционный суд федеральной цепи (Court of Appeals for the Federal Circuit, CAFC) в решении от 5 августа 2022 года (дело № 21-2347) подтвердил позицию ведомства. Суд постановил, что термин «индивидуум» в Патентном законе США имеет обычное значение, подразумевающее человека, и не может быть распространен на машину. 24 апреля 2023 года Верховный суд США отказал в выдаче судебного приказа (writ of certiorari), оставив решение CAFC в силе, тем самым закрыв возможность дальнейшего обжалования. [9; 10]

В Великобритании рассмотрение заявок также завершилось последовательными отказами на всех уровнях. Ведомство по интеллектуальной собственности Великобритании (UKIPO) отказало в выдаче патентов в декабре 2019 года. Высокий суд правосудия (Апелляционный суд) в сентябре 2021 года отклонил апелляцию Талера. Верховный суд Великобритании 20 декабря 2023 года вынес итоговое постановление, в котором дал наиболее развернутое философско-правовое обоснование. [7; 8]

Лорды-судьи постановили, что согласно британскому Закону о патентах 1977 года изобретателем является «лицо» (person). Даже если принять тезис о том, что DABUS создал изобретение, он не является «лицом» в каком-либо правовом смысле и, следовательно, не может

быть «изобретателем» по смыслу закона. Право на патент возникает у изобретателя. Если изобретатель-человек отсутствует, то право не возникает, и, соответственно, не может быть передано владельцу машины ни по какому основанию. Суд особо подчеркнул, что внесение изменений в эту фундаментальную концепцию — прерогатива законодателя, а не судебной власти.

Китайское национальное управление интеллектуальной собственности (CNIPA) заняло позицию, аналогичную западным ведомствам, но с акцентом на доктрину гражданского права. После первоначальных отказов Талер подал ходатайство о пересмотре. В решении о пересмотре (2021-2023 гг.) CNIPA привело следующие аргументы: цель указания изобретателя заключается не только в констатации факта, но и в определении субъекта личных неимущественных и имущественных прав, например, права на вознаграждение за служебное изобретение. Изобретательские права являются гражданскими правами, субъектами которых могут выступать только физические лица, юридические лица или некоммерческие организации. Искусственный интеллект не входит ни в одну из этих категорий, установленных Гражданским кодексом КНР. В пересмотре было отказано. Последующие административные иски, поданные в Пекинский суд по интеллектуальной собственности, также, согласно имеющимся данным, были отклонены, что окончательно закрепило отказ в китайской юрисдикции.

В общей картине отказов выделяются два случая, требующих точного контекстуального понимания.

В Южно-Африканской Республике патент на одно из изобретений DABUS действительно был зарегистрирован в июле 2021 года. Однако это является прямым следствием действующей в ЮАР депонирующей (явочной) системы, при которой ведомство не проводит экспертизу по существу на этапе формальной подачи заявки, включая проверку соответствия критерию «изобретатель». Данная регистрация не стала результатом правового анализа или судебного прецедента и не может рассматриваться как признание ИИ субъектом права.

В Австралии процесс имел более сложную динамику. Первая инстанция Федерального суда в июле 2021 года (Thaler v Commissioner of Patents [2021] FCA 879) удовлетворила иск Талера, согласившись с аргументом, что законодательство не содержит прямого запрета на указание ИИ в качестве изобретателя, а владелец машины может получить права на её творческий продукт. Однако это решение было отменено в апелляции Полным составом Федерального суда в апреле 2022 года (Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62). Апелляционный суд постановил, что понятие «изобретатель» по австралийскому праву подразумевает человека, а патентная система создана для поощрения человеческого творчества. Суд указал на системные проблемы, которые повлечет признание ИИ изобретателем: неясность в определении правообладателя (владелец, разработчик, пользователь) и невозможность для машины нести ответственность или осуществлять права. В октябре 2022 года Высокий суд Австралии отказал в разрешении на дальнейшую апелляцию, оставив решение об отказе в силе. [9; 10] [11; 12]

Таким образом, рассмотрение заявок DABUS в ведущих патентных юрисдикциях (ЕПВ, США, Великобритания, Китай, Австралия) привело к единообразному результату — отказу в признании искусственного интеллекта изобретателем. Юридическая аргументация, несмотря на некоторые национальные особенности, базируется на общих принципах: буквальном толковании терминов «изобретатель»/«индивидуум»/«лицо» в национальных законодательствах и международных договорах, антропоцентрической природе патентного права, направленного на стимулирование человеческого творчества, и отсутствии у ИИ правосубъектности, необходимой для возникновения и передачи прав. Исключение ЮАР подтверждает, а не опровергает это правило, будучи артефактом специфической процедуры регистрации. Проект DABUS наглядно продемонстрировал существующий системный правовой пробел, связанный с автономным творчеством машин, однако все рассмотренные суды и ведомства единогласно указали, что его заполнение требует целенаправленной законодательной реформы, а не судебного переосмысления устоявшихся правовых доктрин.

Заключение

Патентная охрана решений на основе ИИ в российской системе возможна при условии их квалификации как технических решений (способов или устройств) с достижением измеримого технического результата и при корректном отражении этого результата в формуле и описании. Международная практика по заявкам DABUS подтверждает антропоцентрическую модель патентного права: изобретателем признаётся только человек, а вопросы автономного «машинного творчества» требуют прямого законодательного ответа. Законопроект № 922784-8 задаёт направление модернизации отечественного режима, расширяя возможности патентования технических решений, реализуемых в программируемых средствах, что при сохранении критериев новизны, изобретательского уровня и промышленной применимости может снизить долю отказов и повысить предсказуемость практики.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. действующая).

2. Законопроект № 922784-8 «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» (о правовом режиме программируемых средств как объектов патентного права) // СОЗД ГАС «Законотворчество».

3. ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. М., 2008.

4. Роспатент. РБК: Новые возможности для патентования IT-решений (новость от 16.12.2024) // Официальный сайт Роспатента. [4]

5. European Patent Office. Decision of the Legal Board of Appeal J 0008/20 (Designation of inventor/DABUS), 21.12.2021.

6. European Patent Office. Press communique on decisions J 8/20 and J 9/20 of the Legal Board of Appeal (DABUS), 21.12.2021. [5; 6]

7. United Kingdom Supreme Court. Thaler v Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49 (Judgment date: 20.12.2023). [7; 8]

8. WIPO Lex. Thaler v Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49 (United Kingdom). [7; 8]

9. United States Court of Appeals for the Federal Circuit. Thaler v. Vidal, No. 21-2347, Opinion (05.08.2022). [9; 10]

10. WIPO Lex. Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207 (Fed. Cir. 2022) (United States of America). [9; 10]

11. Federal Court of Australia (Full Court). Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 (Judgment date: 13.04.2022). [9; 10]

12. WIPO Lex. Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 (Australia). [9; 10]

13. ConsultantPlus. В Госдуму внесен законопроект о патентно-правовой охране технических решений, реализуемых в программных средствах (22.05.2025).

14. Городисский и партнеры. В часть четвертую ГК РФ вносятся изменения, продиктованные развитием цифровых технологий и систем ИИ (21.05.2025).

15. Ассоциация юристов России. Программируемые средства, ИИ и цифровой дизайн как объекты патентного права: анализ законопроекта № 922784-8. [2; 13]

16. Finnegan. Artificial Intelligence Ineligible for Inventorship (Thaler v. Vidal) (12.08.2022). [9; 10]

17. D Young & Co. UK Supreme Court rules only people can be named as inventors (20.12.2023).

18. White & Case. UK Supreme Court rules against AI inventorship of patents (28.12.2023).

Patent protection of artificial intelligence technologies and neural networks in the Russian Federation: legal framework, problems and prospects

Kravchenko O.V., Kubyshkina E.Yu.
Immanuel Kant Baltic Federal University

The article examines current issues of patentability of artificial intelligence (AI) based solutions, particularly neural networks, within the legal framework of the Russian Federation. An analysis of the current legislative barriers associated with patentability criteria under Article 1350 of the Civil Code is provided, along with prospects for their transformation in light of draft law No. 922784-8. Based on a comparative legal analysis of international cases, primarily concerning the DABUS applications, a globally consistent conservative legal position rejecting the recognition of AI as a subject of inventive activity is identified. In the practical part of the work, a structured algorithm (checklist) for preparing a patent application is proposed, focused on overcoming key rejections through the correct formalization of a technical solution. It is concluded that a shift from protecting abstract algorithms to patenting specific technical solutions implemented with their help is necessary.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, patent law, patentability, Rospatent, legal risks, regulatory framework, liability.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) No. 230-FZ of 18 December 2006 (as amended).
2. Draft Law No. 922784-8 ‘On Amendments to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation’ (programmable means as patent law objects) // SOZD (State Automated System ‘Legislation’).
3. GOST R 7.0.5-2008. Bibliographic reference. General requirements and rules. Moscow, 2008.
4. Rospatent. RBC: New opportunities for patenting IT solutions (16 December 2024) // Official website.
5. European Patent Office. Legal Board of Appeal decision J 0008/20 (Designation of inventor/DABUS), 21 December 2021.
6. European Patent Office. Press communique on decisions J 8/20 and J 9/20 (DABUS), 21 December 2021. [5; 6]
7. UK Supreme Court. Thaler v Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49, 20 December 2023. [7; 8]
8. WIPO Lex. Thaler v Comptroller-General of Patents, Designs and Trade Marks [2023] UKSC 49 (UK). [7; 8]
9. US Court of Appeals for the Federal Circuit. Thaler v. Vidal, No. 21-2347, Opinion, 5 August 2022. [9; 10]
10. WIPO Lex. Thaler v. Vidal, 43 F.4th 1207 (Fed. Cir. 2022) (USA). [9; 10]
11. Full Court of the Federal Court of Australia. Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62, 13 April 2022. [9; 10]
12. WIPO Lex. Commissioner of Patents v Thaler [2022] FCAFC 62 (Australia). [9; 10]
13. ConsultantPlus. A draft law on patent protection of technical solutions implemented in software means was submitted to the State Duma (22 May 2025).
14. Gorodissky & Partners. Amendments to Part Four of the Civil Code driven by digital technologies and AI systems (21 May 2025).
15. Association of Lawyers of Russia. Programmable means, AI and digital design as patent law objects: analysis of Draft Law No. 922784-8.
16. Finnegan. Artificial Intelligence Ineligible for Inventorship (Thaler v. Vidal) (12 August 2022). [9; 10]
17. D Young & Co. UK Supreme Court: only people can be named as inventors (20 December 2023).
18. White & Case. UK Supreme Court rules against AI inventorship of patents (28 December 2023).